

В. А. Кошелев. Пушкин и Хомяков

Кошелев В. А. Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. - Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. - Вып. 21. - С. 24-40.

Оригинал здесь: [Фундаментальная электронная библиотека](#).

Проблема "Пушкин и Хомяков" представляет собою часть общего вопроса о творческих взаимоотношениях Пушкина и славянофилов, об отношении Пушкина к зарождавшемуся русскому славянофильству и славянофильства - к Пушкину. Этот вопрос довольно редко ставился исследователями и частично намечен лишь в книге В. И. Кулешова "Славянофилы и русская литература". Указав на факты недоверчивого отношения Пушкина к формирующейся славянофильской идеологии, В. И. Кулешов делает, однако, характерное примечание: "Тут много еще ожидает нас мелочей, требующих объяснения, догадки".¹

Сам "реестр" подобных непонятных "мелочей" оказывается довольно обширным: неизвестно откуда взявшийся портрет Петра Киреевского на рукописи "Полтавы", который появился лет за шесть до передачи ему поэтом своих записей русских народных песен; хвалебные отзывы Пушкина об Иване Киреевском, поддержка им "Европейца" наряду с фактами настороженного отношения поэта к трансцендентализму Киреевского; восторженное почитание Пушкина всеми славянофилами, собиравшимися под его портретом в салоне Елагиной, при том, что многие из них не чувствовали к поэту "особенной симпатии", и т. д. и т. п.² Но именно комплекс этих "мелочей" заключает, по нашему мнению, возможности решения этого весьма сложного вопроса, самой значительной и самой загадочной частью которого оказывается проблема, поставленная в заглавии настоящей статьи.

Среди фактов общения Пушкина и Хомякова наиболее известным оказался эпизод их первоначального творческого знакомства. 12 октября 1826 г. Пушкин, недавно вернувшийся из ссылки, читал в доме Д. В. Веневитинова в Кривоколенном переулке в Москве драму "Борис Годунов". "На другой день, - вспоминает М. П. Погодин, - было назначено чтение "Ермака", только что конченного и привезенного А. Хомяковым из Парижа. Ни Хомякову читать, ни нам слушать не хотелось, но этого требовал Пушкин. Хомяков чтением приносил жертву".³ Эпизод весьма примечателен. Зачем Пушкину потребовалась "жертва" отставного гусарского поручика, начинающего поэта, напечатавшего лишь два стихотворения - "Бессмертие вождя" и "Желание покоя" ("Полярная звезда" на 1824 и на 1825 гг.)? Неизбежная неудача "Ермака" в сопоставлении с "Борисом Годуновым" была как бы запрограммирована: тем, что Пушкин находился в зените своей славы и основой знакомства с ним "любомудров" стало восторженное "оживление"; тем, что Хомяков в это время воспринимался слушателями как "свой", был пропагандистом Шиллера (что тоже было "знакомом" кружку любомудров), а Пушкин приносил новаторскую поэтику - не только самим чтением драмы, но и подробным рассказом о процессе работы над ней, "о плане для Дмитрия Самозванца, о палаче, который шутит с чернью, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского, о Марине Мнишек с Самозванцем, - сцене, которую создал он в голове, гуляя верхом на лошади, и потом позабыл вполтину...".⁴ После такого рода встречи провал Хомякова был предreshен. "'Ермак', - замечает в своих воспоминаниях М. П. Погодин, - разумеется не мог произвести никакого действия после "Бориса Годунова", и только некоторые лирические места вызвали хвалу. Мы почти не слышали его".⁵ Еще более примечательна запись Погодина в интимном дневнике: "Слуш<ая> "Ермака", наблюдал Пушкина. Не от меня ли он сделал грим<асу>? "Ерм<ак>" есть картина мозаическая, не настоящая, - есть алмазы, но и много стекол".⁶

"Гримаса" Пушкина весьма показательна: высказанные Погодиным оценки "Ермака" являются несомненным отражением пушкинских оценок, определивших его дальнейшие высказывания о драме Хомякова и о Хомякове-поэте вообще. Так, в "Набросках предисловия к "Борису Годунову"" (1830) Пушкин заметил: "'Ермак" А. С. Хомякова есть более произвед<ение> лирическое, чем драм<атическое>. Успехом своим оно обязано прекрасным стихам, коими оно писано" (XI, 141). В статье "О народной драме и драме "Марфа Посадница"" эта же мысль высказана еще более резко: "Идеализированный "Ермак", лирическое произведение пылкого юношеского вдохновения, не есть произведение драматическое. В нем все чуждо нашим нравам и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзии" (XI, 180). В произведениях Пушкина, напечатанных при его жизни, имя Хомякова упомянуто лишь один раз - в